

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М. П. Белоусова

Социальные исследования прав
человека: глобальные правила
в местной перспективе

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Belousova.pdf>

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

М. П. Белоусова

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: глобальные правила в местной перспективе

Публичные дискуссии на тему «глобализация и права человека» часто сосредотачиваются вокруг вопроса — чему или кому служат права человека? По некоторым версиям, права человека — это идеологическое оружие в руках более сильных держав, лидирующих в глобальных процессах, по другим — это гуманистическая составляющая глобализации, предназначенная для смягчения экономических и прочих издержек неумолимого процесса. Лидирующее положение в дискуссии, безусловно, занимает бесконечный спор, в ходе которого стороны обосновывают свои позиции, но к решению не приходят — о противоречиях между ценностями, закрепленными в международных стандартах прав человека и культурными особенностями местных сообществ. Очевидно, что этот спор нуждается в аргументах со стороны антропологов и социологов, задает актуальность эмпирическим исследованиям на тему прав, человека. Огромный массив литературы посвящен проблеме противоречия универсального характера прав человека и культурного разнообразия социального. Я бы разделила эту дискуссию на две части: «полезную для практики» и «полезную для науки». Дискуссия «полезная для практики» стремится найти ключ к преодолению этого противоречия, в ней на основе эмпирических исследований отрицается возможность универсальных норм, либо принимаются попытки «обогатить» универсальное специальными

оговорками и особенными нормами. Несмотря на то что дискуссия развивается на страницах научных изданий, ее можно охарактеризовать как спекулятивную. «Полезная для науки» часть дискуссии касается тех исследований, в которых предпринимаются попытки объяснить и описать как предлагаемые «универсальные правила прав человека» трансформируются, институционализируются в конкретном социуме.

Такая ситуация довольно характерна для истории отношений «прав человека» и социальных наук. В ней постоянно сталкиваются интересы тех, кто хочет найти в исследованиях ученых аргументы для принятия решений, с интересами ученых, стремящихся сохранить самостоятельность социальных наук. Ученые, безусловно, представляли и представляют собой полезный ресурс для продвижения прав человека. Они привлекались в качестве экспертов для разработки и оценки новых идей, использовались как «авторитетная» поддержка нововведений, результаты их исследований рассматривались как способ оценки реализации прав человека и пр. С самого начала глобального эксперимента по введению универсальных норм прав человека антропологи и социологи были в него вовлечены. Эта история порой довольно драматична, она сопровождалась конфликтами и даже расколами в профессиональной среде, спадами и подъемами интереса к теме. Но эта история и весьма интересна, потому что именно обсуждение проблем вовлечения социальных исследователей в проблематику прав человека актуализировали дискуссии о границах между исследовательской и гражданской активностью ученого, об ответственности ученого как эксперта, об этике исследований. Осенью 2007 года в России с рядом лекций выступил бывший президент Американской социологической ассоциации Майкл Буравой. Примечательно, что он спровоцировал всплеск внимания и дискуссию в среде российских антропологов и социологов о публичной социологии и привлек внимание к своим последним публикациям, среди которых особое место занимает его статья «Публичная социология прав человека»¹. Это, хоть и не решающий, но последний аргумент в пользу назревшей актуальности рассмотрения развития социальных исследований прав человека и участия ученых в продвижении этой глобальной темы. Попытка обозначить основные тенденции представлена в данной работе².

¹ *M. Burawoy*. Introduction: A Public sociology for human rights // Blau J. and Iyall-Smith, K. Public sociologies reader. N. Y., 2006.

² В статье использованы материалы работы, осуществленной автором во время стажировки в Институте Кеннана (США, Вашингтон) в 2007 г. Возмож-

XX век нам запомнится, в том числе, и тем, что международным сообществом была создана целая система для того, чтобы «каждый человек мог пользоваться своими правами». Что представляет собой эта система? Это международные институты, такие как ООН или Совет Европы, национальные институты, такие как омбудсмены, институт правозащитных негосударственных организаций, а также нормативные документы — декларации, конвенции и пр. На протяжении последних шестидесяти лет осуществляется грандиозный эксперимент по превращению философской идеи в реальность. Нормативные акты о правах человека и деятельность институтов — это попытка создать новые правила, которых должны придерживаться государства, чиновники и люди. Это попытка изменить социальную реальность.

Заметим, что все эти документы, начиная с Декларации прав человека, пишут люди — люди умные, авторитетные, но не боги и не провидцы. И никто в точности не может предсказать заранее, как конкретно эти новые правила приживутся в локальных условиях; как они будут интерпретированы государством и его представителями на местах; как они будут применены и проконтролированы международными организациями; какие напряжения и противодействия они вызовут в местной культуре. И самое главное — каков будет эффект от применения этих новых правил: может быть это будет лишь эхо от замыслов тех «умных и авторитетных» авторов нормативных актов?

Формальное закрепление универсальной концепции прав человека относится к сороковым годам XX столетия, когда после окончания Второй мировой войны представители различных государств взялись за разработку основного документа — Декларации прав человека. Этот документ появился как результат споров и компромиссов разных людей и разных идеологий. Его влияние на судьбы человечества было предсказуемо огромным, а уверенность в его совершенстве зиждилась лишь на уверенности авторов в собственном разуме. Поэтому в 1947 году Организация Объединенных Наций обратилась в Американскую антропологическую ассоциацию с просьбой прокомментировать Декларацию прав человека. Так появился документ — «Statement of Human Rights» (или «Заявление Американской антропологической ассоциации»). И до сих пор дискуссии в антропологическом сообществе не обходятся без его упоминания, без апелляций к его содержанию или роли. В нем антропо-

ность стажировки была предоставлена как победителю конкурса им. Галины Старовойтовой.

логи отклонили понятие универсальных прав человека. Они подчеркнули, что различные народы имеют различные концепции прав человека, критиковали универсальные международные нормы за западный этноцентризм, за недоверие к национальному суверинетету. Они публично бросили вызов западным идеям «прогресса» и связанным с этим понятием «развития». Антропологи поддерживали коллективные права и права коренного населения и сопротивлялись универсальным формулировкам, созданным в рамках индивидуальных прав. Там же прозвучала и другая идея. В «Заявлении Американской антропологической ассоциации» 1947 года («Statement of Human Rights») антропологи подчеркнули важность защиты каждой культуры самой по себе, понимания и уважения ценностей, разделяемых, например, сообществом в государстве. Но это привело к вопросу: что и нацистская культурная система может быть уважаема, и Холокост может быть оправдан? Получается, что любая созданная культурная система является охраняемой антропологами ценностью, даже если она негуманна? Нужно сказать, что в конце 1940-х, на фоне широко распространенных антинацистских настроений, антропологи получили очень резкую неодобрительную реакцию научного сообщества и общественности. Не только само «Statement of Human Rights» было практически осуждено как пронацистское, но и репутация антропологов в целом пострадала.

Это привело к нескольким последствиям. Во-первых, «Statement of Human Rights» стало декларацией тех антропологов, которые выступали против участия в дебатах о правах человека, потому что видели в этом политически ориентированную активность, несовместимую с научной объективностью. Во-вторых, в то же время идеи «Statement of Human Rights» о приверженности антропологов культуре локальных сообществ послужили развитию активизма антропологов в сфере прав человека. Он нашел свое выражение в прикладной или ориентированной на действие антропологии, направленной на улучшение экономических условий или политических переговоров, служащих интересам локальных сообществ. Ellen Messer¹ считает очевидным, что антропологи внесли свой вклад в международный дискурс о правах человека, который теперь включает коллективные права и права коренного населения и более специфические детали содержания социальных, экономических и культурных прав.

¹ Messer E. Anthropology and Human Rights. Annual Review of Anthropology. 1993.

В 1999 году Американская антропологическая ассоциация приняла новый документ — «Declaration of Anthropology and Human Rights» («Декларацию об антропологии и правах человека»). Стратегическая задача этого шага заключалась в стремлении «откреститься» от негативных впечатлений, оставленных «Statement of Human Rights» и создать новую основу для своей деятельности в области прав человека. «Декларация об антропологии и правах человека» представляет собой программный документ, в котором утверждается право каждого учебного содействовать развитию прав человека и этические принципы такого содействия. Вместе с этим документом в Ассоциации была создана формальная система, направленная на поддержку исследований и учебных программ в сфере антропологии прав человека.

Как и прежде, антропологи изучают сообщества с их поведенческими и моральными системами, однако исключение легальных систем из исследования — устарело. Расширяющаяся область антропологии — критический анализ государства, юридических структур и структур суверенитета (независимости), а также изучение агентств развития (включая международные агентства помощи) их идеологии и повестки дня, которые затрагивают права людей. Антропологи дополняют строго юридическую перспективу прав человека, объясняя источники нарушений, сопротивления, податливости (уступчивости) или принятия прав человека в общностях. Антропологи продолжают основывать свои суждения, ссылаясь на специфичные ситуации сообщества, идти вне абстрактности большинства юридических формулировок.

Участие исследователей в тематике прав человека привело к развиту актуальной дискуссии — совместима ли научная деятельность с общественной? Не является ли активная гражданская позиция ученого угрозой для «научности»? В литературе описаны два вида активной позиции ученого. Первая — непосредственное участие ученых в правозащитной деятельности: участие в защите прав и адвокации коренных народов; участие в решении локальных конфликтов с использованием институтов и нормативных положений о правах человека. Известно, что социальные ученые работают в правозащитных организациях и фондах, проводящих мониторинги нарушений прав человека, занимаются просветительской деятельностью в местных сообществах. Другой формой активной позиции ученого является проведение эмпирических исследований, которые позволяют увидеть, как действительно функционируют институты и практики прав человека. Например, анализируется «продвижение» прав человека — действия «агентств раз-

вития», которые могут идти вразрез с заявленными целями и являться злоупотреблениями. Другим примером продуктивного исследования является тот факт, что еще в 1940–1950-е годы право на продовольствие было поставлено антропологами в повестку дня и сохраняет актуальность, как антропология питания, голода. Наряду с изучением коренных народов развиваются исследования этноцида и геноцида. Результаты этих исследований могут быть использованы для коррекции действий, для прекращения злоупотреблений, для предупреждения и решения конфликтных ситуаций.

Другая дискуссия касается вопросов этики социальных исследований прав человека. Критика вовлечения ученых в права человека связана с политической чувствительностью выполнения полевых исследований. Если ученые заявляют о нарушении прав человека, то явно или неявно подвергают сомнению политическую легитимность независимых государств. Причастность к таким заявлениям может не только подвергнуть опасности самого заявителя, но и тех простых людей, которые сотрудничали с исследователем. Антропологическое сообщество предпринимает меры для предупреждения подрыва доверия в деятельности ученых. Например, принципы этики Американского антропологического сообщества теперь настаивают, чтобы «защитой прав человека» ученые занимались через ненаучные каналы и институты.

В истории науки множество примеров, когда ученые участвовали в политических процессах, гражданских и военных конфликтах, участвовали в защите прав человека. И никто не может запретить этого — ученые независимы и имеют гражданские потребности и желания. Но ученые обладают символической властью, властью авторитета, и их суждения, идеи, под которыми они ставят свою подпись, могут иметь огромное значение. Я вновь хочу повторить мысль, описанную мною выше: существующая объективная реальность прав человека имеет свои корни в идеях, когда-то просто записанных на листах бумаги.

Описанные выше дискуссии указывают на риски, которыми сопровождаются исследования прав человека. Это риски, способные поставить под сомнение «объективность», независимость науки, ее самостоятельность. Это непосредственные риски для спокойствия, а иногда и жизни самих ученых и тех, кто с ними сотрудничает. Но не только эти общие угрозы сопровождают развитие исследований прав человека. Центральным вопросом является преодоление сомнений относительно социологических и антропологических исследований прав человека. Я вижу разнообразные причины скептицизма в отношении

возможности социального изучения прав человека и приведу аргументы, которые, может быть не уничтожают этот скептицизм, но показывают его уязвимость.

Во-первых, скептицизм нам подарили философы, которые ведут нескончаемый философский поиск источника прав человека — это бог, природа или разум? Различные социальные теории, опираясь на собственные теоретические основы, расценивают «права человека» как утопию, конструкцию, верование. Такая философская и теоретическая неопределенность препятствовала развитию академических исследований в этой области. Но права человека уже перестали быть «идеями» — они стали социальной реальностью: это институты, нормативная база, разнообразные практики, официальный и публичный дискурс. Соответственно, эта социальная реальность может и должна быть описана и объяснена через эмпирические исследования.

Вторая причина скептицизма связана со стремлением сохранить «научную объективность» и уклониться от тем, которые оказались под влиянием ценностей. Но то, что моральный порядок законно принадлежит к сфере социологического исследования, уже доказано социологами. Моральное вплетено в социальную жизнь, и интерпретация эмпирического включает набор моральных стандартов. Более того, если бы мы пытались закрывать глаза на темы, связанные с ценностями, а также с субъективностью ученого, нам пришлось бы отказаться от исследований гендера, сексуальности, наций и прочего — всего того, что уже стало классикой социальных исследований.

Третья причина скептицизма кроется в предубежденности самих ученых в том, что права человека — это просто предмет политических манипуляций, грязная политика, которая в лучшем случае должна быть предметом рассмотрения политологов. Но я, как социолог, могу спросить у человека с улицы: «Что значит “права человека” для тебя?». И он ответит мне, как он это понимает. И это не будет политической декларацией или текстом нормативного акта — это будет его понимание и его интерпретация. И он даст оценку, насколько он удовлетворен соблюдением своих прав и пр.

В августе 2007 года в Нью-Йорке состоялась конференция «Социология и права человека», на которой я присутствовала. И безапелляционный аргумент неоднократно звучал в защиту социологии прав человека: «Социологи сами имеют власть делать те исследования, которые они хотят делать! И если это вызывает чью-то скептическую реакцию — пусть!». Дискуссия этой конференции показала, что проблем-

ным являются не подходы и методы, которые уже устоялись в науке и лишь требуют в каждом случае деликатного применения. Актуальной задачей является определение отличительной предметной области социологических исследований прав человека внутри дисциплины. Опыт и нью-йоркской, и отечественных конференций по правам человека говорит о том, что как только объявляется эта тема, каждый заинтересованный может сделать из своего исследования исследование по теме прав человека. Складывается эклектическая картина из исследований бедности, развития малого бизнеса, медицинского обслуживания и прочих совершенно разных сфер. Хотя понятно, что все это пересекается с исчерпывающей тематикой прав человека, для социологов остается пока неясным тот принцип, основываясь на котором можно отделить исследования по правам человека от всех остальных.

Не претендуя на исчерпывающий ответ, попытаюсь представить свое понимание того, что входит в предметное поле социологических исследований прав человека.

Во-первых, это не только то, что непосредственно связано с этим понятием. К исследованиям о правах человека могут быть отнесены те социологические исследования, которые касаются понятий равенства, свободы, справедливости, человеческого достоинства и т. п. — то есть ценностей, которые легли в основу концепции прав человека. Подобные исследования, теоретические и эмпирические, может, и не использовали или не используют термина «права человека», но, тем не менее, имеют прямое отношение к теме.

Во-вторых, к предметному полю социологических исследований прав человека относится вся деятельность (и ее последствия), которая развернулась в связи с созданием международных и национальных стандартов прав человека. Именно в этой области лежат задачи социальных исследователей — изучение прав человека в социальной реальности, объяснение и понимание наблюдаемого социологического феномена. Социальные ученые применяют теории и специальные методы для того, чтобы *объяснить и понять* изменчивое продвижение и защиту прав человека через разнообразные политические, социальные, культурные контексты. Основная цель ученых состоит в том, чтобы объяснить и понять, *почему и как* существуют социальные феномены прав человека именно в таком виде, а не в том, чтобы показать, *какими должны быть права человека и их защита*¹.

¹ Studying Human Rights / ed. by Todd Landmann. N. Y., 2006. P. 6.

Здесь кроется основное отличие научных исследований прав человека от мониторингов, проводимых ненаучными организациями. Мониторинги направлены на получение информации о нарушениях прав человека и на описание отличий между формальными нормами прав человека и реальностью. Социологические научные методы, такие как интервью и опросы, применяются в мониторингах, однако критерием их использования является полезность полученной информации, в угоду которой приносится в жертву методика их применения. Кроме того, для получения информации в мониторингах используются другие способы, имеющие больше общего с методами следствия.

Мы можем говорить о научных социальных исследованиях прав человека в случае применения дисциплинарных подходов и специальных научных методов. Научные методы — инструмент для получения информации, а социальные теории служат нам для объяснения того, что мы видим, анализируя социальные проблемы прав человека.

Тематика современных социальных исследований прав человека многообразна. В социологии особую (но не исключительную) ценность имеют сопоставимые результаты исследований в разных странах. Поскольку международное сообщество установило идеальный стандарт прав человека, «к которому должна стремиться каждая страна», кросс-культурные сравнительные исследования являются очень адекватными для сферы прав человека. Но такие глобальные исследования ограничены тематически, неглубоки и подчас не могут схватить все разнообразие влияющих факторов. Эти недостатки глобальных исследований восполняются исследованиями отдельных случаев (case-study), которые обеспечивают важное контекстное описание. Исследования государственных и негосударственных акторов, которые имеют влияние на индивидуальное и коллективное пользование правами человека, находятся под влиянием политологии. Одним из самых авторитетных авторов в этой тематике является Todd Landmann. Его работа «Protecting Human Rights: A Comparative Study»¹ посвящена описанию разнообразных глобальных сравнительных исследований активности международных организаций и НГО в сфере прав человека. Несмотря на обширную эмпирическую

¹ Protecting Human Rights: A Comparative Study / ed. by Todd Landmann. Georgetown University Press, 2004.

базу, выводы и обобщения представляют вероятно ценность для политологов, а не для социологов. В работе «Studying Human Rights»¹ автор претендует на построение социологических оснований изучения прав человека и в связи с этим высказывает довольно интересные идеи. Однако эмпирические иллюстрации частично взяты из ранних работ, в которых они же фигурировали как результаты политологических исследований. Социологические исследования прав человека развиваются в рамках исследования социальных стратификаций — изучения гендера, национальности, расы². Результаты исследований представлений россиян о правах человека содержатся в публикациях известных и в России специалистов — Сары Мендельсон и Теодора Гербера.

Авторы работ по теме «социология и права человека» ищут исторические аргументы в поддержку темы в идеях классиков социологии, таких как Питирим Сорокин, Элвин Голднер, Юрген Хабермас, Пьер Бурдьё и пр. В последнее время в американском социологическом сообществе прослеживаются действия, направленные на институционализацию темы «социология и права человека». Именно в последние два года были изданы книги, претендующие на обобщение имеющегося опыта, утверждающие право темы на самостоятельное существование, обосновывающие социологические подходы к исследованию прав человека: «Studying Human Rights» (ed. by Todd Landmann. N. Y., 2006); «Rights: Sociological Perspectives» (ed. by Lydia Morris. N. Y., 2006); «Judith Blau and Alberto Moncada, Human Rights: Beyond the Liberal Vision» (Rowman & Littlefield, 2005). Особое место принадлежит работе «Public Sociologies Reader» (ed. by Judith Blau and Keri Iyall-Smith. Rowman & Littlefield, 2006), в которой помещена содержательная и объемная вступительная статья о социологии и правах человека, написанная бывшим президентом Американской социологической ассоциации Майклом Буравым. Активная роль в институциональном оформлении темы принадлежит организации «Sociology without Borders». Именно эта профессиональная организация играет центральную роль в процессе утверждения тематической группы «Human Rights and Global Justice» в рамках Международной социологической ассоциации и Секции по правам человека в Американской социологической ассоциации.

¹ Studying Human Rights / ed. by Todd Landmann. N. Y., 2006.

² Rights: Sociological Perspectives / ed. by Lydia Morris. N. Y., 2006.

Мы еще слишком мало знаем о том, каковы представления людей в России о правах человека, и проведенные немногочисленные исследования описывают только отдельные фрагменты картины¹. В последние годы развиваются подходы, рассматривающие права человека в контексте конфликта культур², или исследования, проведенные в рамках «социологии права», тяготеющие к изучению отношения к закону и законности³.

Причины обусловлены маргинальностью темы для социологии — в профессиональном сообществе не сформировалась убежденность в возможности политически неангажированных, научных эмпирических исследований темы прав человека. В результате, имеющийся опыт комплексно пока не осмыслен, и отсутствует внутренний академический заказ на развитие этой темы. Другая причина состоит в том, что исследования прав человека требуют дополнительной подготовки социолога. Невозможно разработать стратегию, инструментарий исследования без знания философских основ теории прав человека, без представлений о нормативных документах и институтах защиты и продвижения прав человека. Возможно, участие подготовленных специалистов позволило бы избежать некоторых типичных недоразумений в исследовательской практике. Например, мне совершенно непонятен смысл одного из самых популярных вопросов, используемого в инструментарии очень авторитетных исследовательских центров, а именно: «Какие из прав человека для вас наиболее важны?». Здравно-

¹ См., напр., результаты массового опроса ВЦИОМ, проведенного по заказу американских исследователей в октябре 2001 года (результаты опубликованы в: *Т. Гербер, С. Мендельсон. Граждане России о правах человека // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 26–32*); результаты исследования ВЦИОМ об оценке деятельности Уполномоченных в регионах России в 2006 г. в рамках проекта ЮРИКС <http://www.jurix.ru>; результаты опроса, приведенные в работе: *Шугуров М. В. Конституционализация международных норм и прав человека и российское правосознание // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 67–77* и др.

² Напр., 25.04.2006 на очередном заседании президиума Российской академии наук было заслушано научное сообщение «Права человека: конфликт культур» сотрудницы Института государства и права РАН член-корр. РАН Е. А. Лукашевой.

³ См., напр.: *Шереги Ф. Социология права. Прикладные исследования. М., 2002.*

мыслящий человек может отделить «важные» права от «не важных» и «главные» от «не главных»? На каком основании респондент должен согласиться, хотя бы в анкете, на свое существование в ограниченных условиях — на отказ от части прав? Схожая инквизиционная логика лежит в попытках получить исследовательские выводы из работы респондента со шкалой приоритетности прав в количественном опросе. Из анализа таких результатов исследователи непременно приходят к выводу о значимости для россиян социально-экономических прав и незначимости политических и гражданских. Но по какой причине я выберу в списке «право на образование»: потому что работаю в вузе и от возможности реализовывать это право людьми зависит моя жизнь, или потому что мой ребенок благополучно учится в бесплатной школе и реализовывает это право, или потому что без взятки мой ребенок не может участвовать во вступительном конкурсе на равных условиях и его право ограничено? Можно рассматривать такие вопросы только лишь как повод, провокацию к продолжению беседы, а точнее — интервью. Всех этих исключительно важных нюансов в анкете не поймать.

Результаты проведенных количественных исследований подтверждают непригодность традиционных попыток обнаружить связь между формально принятыми социальными и демографическими группами и знанием (а также приоритетностью, восприятием и т. п.) прав человека. Так, исследования ВЦИОМ¹ не обнаружили явной зависимости между возрастными, образовательными, гендерными характеристиками и поддержкой тех или иных прав человека, также не обнаружено влияния на степень поддержки гражданских свобод материального положения респондентов. «Слабое влияние демографических факторов противоречит здравому смыслу...» — откровенно признаются Теодор П. Гербер и Сара Е. Мендельсон в описании результатов исследования,² что, на наш взгляд, подтверждает необходимость поиска иных критериев и методов выделения групп, демонстрирующих разную приверженность правам и свободам.

¹ Исследование ВЦИОМ, проведенное в 2001 году, достаточно типично. Его результаты опубликованы: *Гербер Т., Мендельсон С.* Граждане России о правах человека // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 26–32.

² *Гербер Т., Мендельсон С.* Граждане России о правах человека // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 30.

Я полагаю, что развитие социальных исследований прав человека связано с обогащением нашего опыта эмпирических исследований. Апробация методик, подходов, методов анализа позволит улучшить наши возможности в понимании темы и, в конечном счете, превратит этот опыт в солидный исследовательский капитал. Одна из важных социологических задач состоит в том, чтобы понять, каковы представления россиян о правах человека, какие собственные смыслы вкладывают они в это уже распространенное словосочетание, во что трансформировалось глобальное послание международной системы прав человека в России.

Приведу результаты одного из исследований, которое позволило показать специфику локального восприятия прав человека. В 2002 году сотрудниками Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) было проведено девять фокус-групп в городах: Рязани, Ростове-на-Дону, Перми. Позже мне была любезно предоставлена возможность проанализировать их. Эти материалы не дают исчерпывающих ответов, но позволяют сделать еще один шаг в сторону нашего понимания социальной действительности. Фокус-группы отдельно проводились среди старшего поколения и среди молодежи.

Полагаю, что следует отличать *знания о правах человека* и *представления о правах человека*. Профессиональные знания приобретаются путем специального образования, самообразования, благодаря специфике профессиональной деятельности, при ситуативном отстаивании своих интересов и т. д. Его носителями являются представители юридических специальностей, правозащитники, активисты гражданского общества. Представления о правах человека не соотносятся напрямую с нормами, они отражают различные смыслы, приписываемые людьми словосочетанию «права человека», которые лишь частично и фрагментарно, опосредованно соотносятся со знаниями. Полагаю также, что мы можем столкнуться и со смысловой пустотой, где права человека не означают ничего — знаний нет, а представления о правах человека либо отсутствуют, либо не могут быть вербализованы.

Знания и представления усваиваются в ходе социализации — «процесса становления личности, усвоения индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, социальной группе...»¹ Кроме значимого ближнего окружения на примержен-

¹ Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. Г. В. Осипов; Ин-т социально-политич. исслед. РАН: Ин-т социологии РАН. М. 1998. С. 328.

ность либеральным ценностям могут повлиять особенности школы, вуза, опыт пребывания в зарубежных демократических странах, участие в общественных движениях и организациях, да и вообще самый разнообразный биографический капитал. Процесс социализации длится всю жизни, но пристальное внимание следует уделить периоду вторичной социализации, когда формируется мировоззрение индивида (16–25 лет). Именно то, что происходит с человеком в этом возрасте, какие события оказываются для него значимыми, кто конкретно на него влияет, становится решающим для его общественных ориентаций. Т. П. Емельянова пишет, что «...конструирование социальных представлений о политических и экономических явлениях в условиях общественной нестабильности обусловлено такими факторами, как актуальная ситуация, включающая комплекс внешних и внутренних условий конструирования, и коллективная память. Взаимодействием внешних и внутренних условий определяются особенности конструирования социальных представлений. Фактор коллективной памяти определяет временной вектор конструирования, он связан с выполнением социальными представлениями их защитных и стабилизирующих функций»¹.

Приобретенные знания и представления о правах человека могут либо соответствовать либеральным идеям и ценностям, либо — нет. Нам всем хорошо знаком взгляд на юридическую защиту из государственнической перспективы, когда всё — в том числе и вполне конкретные нормы прав человека — подвергаются интерпретации, в основе которой лежит логика господства государственных интересов.

В этом тексте я оставляю вне рассмотрения носителей профессиональных знаний. Что же касается разнообразных представлений о правах человека, то анализ показал значительное влияние советского прошлого, что отразилось, прежде всего, на поколениях, социализированных при советской власти. И это не исключает, по разделяемому нами мнению неоинституционалистов, сильного влияния исчезнувших советских институтов и на постсоветское поколение.

Сначала мне бы хотелось представить результаты анализа дискуссий с представителями «советского» поколения.

Концепция «прав и свобод советских граждан» и либеральная концепция прав человека имеют разные идеологические основания и

¹ Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... д-ра психолог. наук. М., 2006.

противоречат друг другу. Но в них используются одинаковые слова, и контроль над наполнением понятий смыслом, конечно, находится не в руках просветителей. Общность используемых слов и выражений способствует перенесению «советских смыслов» в современное понимание прав человека в России. Поэтому в объяснении прав человека участниками фокус-групп присутствуют следующие разделяемые утверждения:

— права человека ассоциируются с нормами Конституции, поэтому они наделяются декларативностью, национальным государственным характером и не связываются с иными, прежде всего международными, документами и процедурами;

— источником прав человека представляется государство как их даритель, покровитель, регулировщик и ревизионер;

— права человека обременены идеологическими и иными обязанностями перед государством, они мыслятся как отъемлемые и обменные.

Как я указывала выше, такие словосочетания, как «право на жизнь», «право на труд», «право на отдых», «право на свободу передвижения», «свобода совести» являются знакомыми для большинства россиян и свободно ими воспроизводятся. Однако интерпретация этого как знания прав человека вряд ли оправдана.

Список необходимых прав человек формирует как отражение необходимых условий для реализации привычной жизни. Поэтому сначала участники фокус-групп называют «право на жизнь», а затем следует список, связываемый воедино темпоральной логикой (родился, заработал, вселился, то есть, соответственно, право на жизнь, на труд, на жилье) и/или логикой необходимых сочетаемых между собой условий жизни: *«...раньше стоит свобода вероисповедания, потому что это проявляется раньше, чем мы начинаем трудиться и получать образование»*. Или, например, по мнению информантов, нет смысла в праве на владение имуществом, если нет права на труд¹. Кстати, право на труд (одно из самых значимых для советской системы прав) имеет как своих традиционных сторонников, считающих его необходимым, так и людей, не понимающих его смысла в современных условиях.

Рассуждения о том или ином праве содержат вопрос о возможности его реализации: есть ли социальные условия для рождения детей (право на жизнь), не мешает ли борьба конфессий свободе вероиспо-

¹ «Если ты не имеешь права на труд — на что ты приобретешь имущество?» (высказывание участника фокус-группы).

ведения, есть ли экономические возможности, не мешает ли институт регистрации пользованию правом передвижения и т. п.

На наш взгляд, в дискуссиях (и рассуждениях информантов) следует отличать права человека как идею и права человека как практику. Можно сказать, что на практическом уровне защиту прав человека связывают с юридической защитой, то есть с индивидуальным опытом (случаем, практикой). Отказ от прав человека связывают с беззаконием, то есть сами права человека — с законностью. Правовая культура коррелирует с цивилизованностью, ее отсутствие — с отсталостью.

Степень осведомленности о правозащитных организациях разная, но в основном понимание предназначения правозащитных организаций связано с правовой индивидуальной защитой прав (*«помочь конкретному данному гражданину», «пусть будет свой специалист, который может дать квалифицированную консультацию»*) и правовым просвещением. По мнению участников фокус-групп, правозащитники должны: заниматься только частными случаями; делать то, до чего не доходят руки государства; привлекать внимание государства к нерешенным проблемам и так вплоть до полного непонимания — для чего они вообще нужны. Например, роль правозащитников в Чечне участники фокус-групп определяют как *«помощь пострадавшим людям»*. При этом государство и его руководство не обвиняется в развязывании войны, а виноваты *«чи-то экономические интересы», «воинствующие чеченцы»* и пр. И когда речь идет о работе правозащитников с детьми, их функция представляется как *«привлечь внимание учреждений», «заниматься воспитательной работой»* — в общем, работать на уровне самой проблемы, непосредственно с участниками. Респонденты не видят в правозащитниках силу, способную работать с нарушением прав человека в системном ключе: *«На сегодняшний день, я думаю, глобальных проблем правозащитные организации не решат»*.

«Я не верю, что люди собираются для того, чтобы защищать людей. Если бы это были верующие, я бы поверил. Но если это просто...» — люди хотят иметь объяснение — из-за чего работают правозащитные организации и их сотрудники. Непонимание происходит из-за невозможности свести информацию о том, что с клиентов деньги не берут, и тем, что деятельность реально осуществляется. Возможные приводимые объяснения: 1) *«из-за грантов»* — эта версия убедительна, но не одобряема; 2) работа из сострадания к людям в аналогичной ситуации,

добровольческое участие в организациях — объяснение убедительно только в случае личных примеров участия, и оно одобряемо. Вообще, «личное знание» всегда звучит как «достоверное знание».

Представляет интерес анализ вопроса о готовности людей отказаться от ряда прав человека¹ ради целей государства. Военное время, по мнению участников групповых дискуссий, может считаться достаточным основанием для возможного отказа от свободы слова и от права на социальную защиту. Логика объяснения формулируется ими следующим образом: *«Есть интересы человека, есть интересы государства. Они не всегда совпадают. Есть ситуации, когда законы отличаются, например законы военного времени»*. Очень внимательно, на наш взгляд, здесь нужно отнестись к допущению возможности изменения законов из-за «иных интересов государства». «Военное время» как причина ограничения прав человека дополняется и другими возможными основаниями ограничений прав: *«Ради государственного суверенитета: безопасность, военные, стратегические секреты», «в кризисных ситуациях, чтобы не вызвать массовый психоз в стране», «ради свободы, независимости страны»*. Очевидно, что такой список аргументов может быть использован и при борьбе с терроризмом и с иными «врагами». Участники признают, что для обоснования ограничений прав человека государство может использовать различные манипуляции в своих интересах.

Право на социальную защиту напрямую связывается с экономическими возможностями государства и льготами, отказ от которых не должен бы привести к значительному ущербу для населения. Зато возможность незаконных арестов и пыток может угрожать жизни, поэтому отказ от этой категории прав, защищающих людей от произвола такого типа, более неприемлем.

А вот свобода слова устойчиво является тем правом, от которого можно отказаться или которое можно ограничить ради «государственных интересов». Участники фокус-групп объясняют свою позицию признанием права государства вести информационную войну, «чтобы не вызвать массовый психоз в стране».

Приемлемым оказывается отказ в мирное время от тех прав, реализация которых требует от государства материальных затрат. Здесь

¹ Здесь я сознательно не употребляю выражение «своих прав», так как считаю, что дискуссия касается именно прав человека как абстрактной ценности, а не собственных конкретных прав.

примечательным является отсылка к примеру советского времени, которая интерпретируется как случай сознательного отказа от своих прав — при строительстве БАМа: «...принесем эту жертву ради того, чтобы государство вышло на определенный этап развития». Объяснения приведены в рамках идеологемы «государство — это мы», где добровольное временное согласие на ограничение своих прав объясняется как государственными интересами, так и желанием получить собственную выгоду, «желанием получить что-либо» и вернуть себе права назад позже в прежнем или большем объеме.

Во всех конституциях (1918, 1936 и 1977) закреплялись права и свободы советских граждан. В официальной риторике советского периода использовались такие словосочетания, как «право на труд», «право на образование», «право на отдых» и другие, поэтому они и сегодня столь привычны для людей, чья социализация проходила в то время. Однако статус этих «прав» в СССР сопровождался очень важными оговорками, закрепленными в конституциях и воспроизводимыми в идеологических речах и текстах. Во-первых, условием предоставления прав являлась не только неприкосновенность государственных интересов и советского строя, но и их поддержка¹. Во-вторых, советские права и свободы обременялись обязанностями, почетными обязанностями и долгами. Например, идеологическая верность стране, служба в армии и обязанность трудиться².

¹ Конституция СССР 1977 г. Глава 7. Основные права, свободы и обязанности граждан СССР. Статья 50: «В соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций». Статья 51: «В соответствии с целями коммунистического строительства граждане СССР имеют право объединяться в общественные организации...»

² Конституция СССР 1936 г. Статья 12: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: "кто не работает, тот не ест"». Конституция 1977 г. Статья 60: «Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР — добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества». Конституция 1977 г. Глава 7. Основные права, свободы и обязанности граждан СССР. Статья 62: «Гражданин СССР обязан оберегать интересы Советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета». Статья 63: «Воинская

Для понимания идеологии советского государства в области прав человека представляют интерес работы Геннадия Васильевича Мальцева, в 1979 году защитившего докторскую диссертацию «Социальная справедливость и права человека: вопросы теории и современная идеологическая борьба». Защита состоялась в Академии общественных наук при ЦК КПСС и, как мне кажется, есть все основания считать, что в его работе можно найти объяснение государственной логики того периода. Из нее следует, что права человека в СССР предназначались не индивиду, а человеку общественному:

— субъектом прав становилась личность, которая участвует в социалистическом строительстве, трудится на благо государства: «...в социалистическом обществе ценность человеческих прав производна от ценности человека как субъекта общественной практики. Иначе говоря, законодательство в СССР, определяя правовой статус личности, исходит из интересов, перспектив и потребностей живого реального человека, вовлеченного в общественную жизнь...»¹

— права советского человека предназначаются для трудовой деятельности: «...социалистическая теория и практика прав человека утверждают ценность труда и принцип трудового вклада — истинного мерила активности граждан, свободы и достоинства личности. В отличие от других гуманистических доктрин, социалистический гуманизм ставит в центре социальной жизни человека труда, отдающего все свои усилия на благо общества, тесно связывающего свои личные интересы с интересами коллективными и общественными»².

— права человека приобретаются только при условии участия в общественном процессе наравне со всеми: «Проблему ценности прав человека в социалистическом обществе мы связываем... в конечном счете — с положением и ролью человека в социалистическом и коммунистическом строительстве»³.

— пользование правами человека предполагало взаимозависимость, должно было накладывать ответственность перед другими людьми: «...в соответствии с коммунистическим идеалом: “Свободное

служба в рядах Вооруженных Сил СССР — почетная обязанность советских граждан».

¹ Мальцев Г. В. Социалистический гуманизм и права человека // Правоведение. 1977. № 5. С. 24–34.

² Там же.

³ Там же.

развитие каждого есть условие свободного развития всех” — раскрыть способности и дарования, реализовать свой творческий потенциал в условиях коллективизма и товарищеской взаимопомощи, социалистического соревнования, гуманных отношений между людьми»¹.

Можно полагать, что только граждане, соответствующие этим требованиям, могли обоснованно считать себя пользователями конституционных прав в СССР. Не могу удержаться и не процитировать Л. И. Брежнева: «Извращенному и опошленному буржуазной и ревизионистской пропагандой толкованию понятий демократии и прав человека мы противопоставляем самый полный и реальный комплекс прав и обязанностей гражданина социалистического общества»².

Совсем иначе выглядят права человека в тех дискуссиях, на тех фокус-группах, где участвовали молодые люди, не прошедших советскую социализацию. Они теснее связаны с индивидуализмом, права представляются как свободы, а социалистические штампы получают новое содержание. Например, в одной из фокус-групп, проведенных в Рязани, состоящей из молодых людей, наряду с традиционно называемым «правом на образование» и т. п., были сформулированы и более примечательные — не звучавшие у «взрослых» и отличные от лозунгов. Например, право на альтернативную службу, право на выбор гражданства, свобода воли, свобода выбора места жительства. Или дана такая формулировка: «*Естественные права человека — данные ему от рождения: имя, право на родителей*». В наиболее общем виде свои представления о правах человека выразил один из участников — «*свобода выбора всего*». А наиболее ясно связь между индивидом и правами человека объяснила другая участница: «*Право сохранения индивидуальности — это значит, что я такая, и никто не имеет права мне говорить, как мне одеваться по-другому, внешность менять*». А присутствовавшее в советском конституционализме «право наций на самоопределение» в современном молодежном звучании трансформировалось как «*право на самоопределение — право определить свою национальность*». В дискуссии молодежь демонстрирует свое пони-

¹ Мальцев Г. В. Социалистический гуманизм и права человека // Правоведение. 1977. № 5. С. 24–34..

² Брежнев Л. И. О проекте Конституции Союза Советских Социалистических республик: доклад на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 г. М., 1977. С. 15. Цит. по: Мальцев Г. В. Социалистический гуманизм и права человека // Правоведение. 1977. № 5. С. 24–34.

мание разрыва между официальной массовой риторикой поддержки прав человека и нарушением прав.

Мне довелось побывать на докладе «Поиск прав, игра в бандита: молодежь и демократия на Украине», который делала Анна Форниер¹, в Вашингтоне, в Центре Вудро Вильсона. Она рассказывала о результатах своего исследования молодежи Украины и также обращала внимание на то, что молодые люди изобретают свое собственное оригинальное понимание прав человека. Они очень вольно трактуют и понимают свои права — от свободы до вседозволенности, что выражается в имидже «свободного бандита». Конечно, вседозволенность противоречит ценностям прав человека, но сами попытки поиска смысла я считаю хорошим знаком. Мне хочется подчеркнуть, что я вижу огромный позитивный потенциал в том, что молодежь не пропускает мимо себя понятие прав человека как законсервированное, воплощенное в бронзе и на кумаче, они смеют искать свои смыслы, быть вольными в своем человеческом понимании прав человека.

Ни из анализа дискуссий на фокус-группах, ни из результатов иных исследований не следует, что государство, его институты и представители мыслятся как сопричастные к нарушению прав человека. Вообще не понятно, кто здесь является «отрицательным героем». Государство отсутствует как источник нарушений прав человека в представлениях как прошедших, так и не прошедших советскую социализацию. В первом случае это связано с тем, что государство представляется покровителем прав человека — оно мыслится и как источник, и как защитник прав человека. А во втором случае права человека полностью подменяются свободой — волей каждого реализовывать свои желания, для чего никакой помощи государства не требуется, а угрозы с его стороны не наблюдается. Именно поэтому довольно типичным результатом массовых опросов является неактуальность нарушений прав человека в списке общественных проблем при одновременном признании таких нарушений. Так, исследование, проведенное в 2002 году², показало, что 67% респондентов считают,

¹ *Anna Fournier*. Ph. D. recipient, Department of Anthropology, Johns Hopkins University, Title of lecture: «Seeking Rights, Performing the Outlaw: Youth and Democracy in Ukraine». Date of event: 06.18.07.

² *Шугуров М. В.* Конституционализация международных норм и прав человека и российское правосознание // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. С. 67–77.

что в современной России существует серьезная угроза правам и достоинству человека (противоположная точка зрения — 10%). При этом только 12% опрошенных отметили ущемление прав граждан как одну из наиболее важных и острых для общества проблем (ср. аналогичную проблематизацию низкого уровня жизни — 37%, высокого уровня преступности — 36%, коррумпированности чиновников — 33%, утраты стабильности, уверенности в завтрашнем дне — 27% и пр.). Права человека не мыслятся как «проблема», наравне с повседневными заботами, но и в нашем понимании права человека — это скорее ключ к решению проблем, и именно эта логика может быть воспринята исследователями, которые берутся за эту сложную тему.

В доминирующем официальном дискурсе права человека не только не отрицаются как идея, но и постоянно поддерживаются как неотъемлемая часть общественной государственной политики. В политической риторике права человека присутствуют как постоянный предмет достижения: «должны защитить права человека», «должны обеспечить, соблюсти права человека» и пр. Раньше показателем благополучия советского государства являлись конституционно утвержденные права человека, а противоположностью был пример буржуазных стран, где за права человека всегда кто-то боролся. Современное российское государство именно сам процесс стремления к осуществлению прав человека сделало показателем «правильного» состояния. В результате права человека как идея приобретают мифологизированный смысл достижения далекой цели наподобие «коммунизма». Правда, в отличие от «коммунизма», параметры «достигнутого состояния защищенных прав человека» отсутствуют — нет ни ясных примеров из опыта, ни гипотетического описания.

Возможно, и в этом есть своя перспектива у исследователей прав человека — через изучение соотношения глобальных норм прав человека и реальных практик, представлений и идеалов создать этот образ, как достижимый и приемлемый для людей.

Источники

Брежнев Л. И. О проекте Конституции Союза Советских Социалистических республик: доклад на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 г. М., 1977.

Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... д-ра психологич. наук. М., 2006.

Конституция СССР 1936 г.

Конституция СССР 1977 г.

Мальцев Г. В. Социалистический гуманизм и права человека // Правоведение. 1977. № 5.

Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. Г. В.Осипов; Ин-т социально-политич. исслед. РАН; Ин-т социологии РАН. М., 1998.

Гербер Т., Мендельсон С. Граждане России о правах человека // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2.

Шереги Ф. Социология права. Прикладные исследования. М., 2002.

Шугуров М. В. Конституционализация международных норм и прав человека и российское правосознание // Общественные науки и современность. 2006. № 2.

Burawoy M. Introduction: A Public sociology for human rights // Blau J. and Iyall-Smith K. Public sociologies reader. N.-Y., 2006.

Messer Ellen. Anthropology and Human Rights // Annual Review of Anthropology. 1993. V. 22, 22:221–249

Rights: Sociological Perspectives / ed. by Lydia Morris. N.-Y., 2006.

Protecting Human Rights: A Comparative Study / ed. by Todd Landmann. Georgetown University Press, 2004.

Studying Human Rights / ed. by Todd Landmann. N. Y., 2006.